
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Елена Перепелкина
(г. Москва)

РАССКАЗЫ

Выпускница Литературного института 2011 года.

ЗА СТЕКЛОМ

Я едва заскочила в вагон. Следом цыганка. Она попыталась задержать двери, мужчины в вагоне помогли ей. Пока держали, мал, мала, малехонький — быстро протиснулись между людьми. Только и слышали голос дежурной метро, подбежавшей к дверям: «Кошельки держите!» — с улыбкой и по-свойски. Двери резко закрылись. Пассажиры сумки прижали — едем. Возле меня двое цыганят. Один мне улыбается. Одежка на нем никудышная: куртка болотного цвета, выцветшая, потертые гамаша. А глаза — чернее черного. Напомнил он мне...

Мне было не больше семи. Я простудилась. Меня положили в десятую палату детской больницы, самую дальнюю в левом крыле на втором этаже. Я приоткрыла белую дверь и вошла. Никого. Кинула пакет на кровать и подошла к окну. Мой детский сад. Кусты, дырка в заборе. Хлопнула дверь. Я оглянулась...

Плохо помню ее. Помню, как она была одета, ее имя, отдельные картинки. Но почти забыла, о чем мы с ней говорили. И говорили ли вообще?

— Мам, ну что она ходит за мной? — злилась я.

Она смотрела сквозь стекло двери: высокая для своих пяти, черненькая, с вечно слезящимися глазами и коротко стриженными волосами (наверное, вши были); в розовой теплой юбке, красных колготках, старых сандалиях, несколько раз подшитых и заклеенных, и мышинной кофте на замке, который не застегивался. Мама доставала из сумки бананы. Давала один мне и говорила:

— Дочь, угости Риточку.

Я прижимала его к груди, шипела, что не дам. Но все же подходила, чуть не плача протягивала банан и бежала назад. Она брала, но не уходила, все смотрела, как я жмусь к матери. Имя «Ритка» гораздо больше ей подходило.

Как-то мама пришла, но я спустилась не сразу, была у доктора. Когда прибежала, увидела рядом с моей мамой Ритку.

— Иди отсюда! — закричала я.

Ритка сжимала в руке растаявшие конфеты и не двигалась. Тогда я толкнула ее. Мама схватила меня за руку и больно стукнула по попе. Я рванула к двери. Чуть не сшибла медсестру с каким-то подносом. Быстро взбежала по ступенькам на второй, третий. Добежала до кармашка коридора, где обычно никого не было. Села в угол. И так горько заплакала...

— А почему к тебе мама не приходит?— спросила я однажды, сидя на своей кровати. Ритка, вытянув ко мне ноги, сидела напротив и молчала.

— Ты ее любишь?

Ритка, помедлив:

— Люблю. Мамка... хорошая. Мамка песни... А дядя Игорь шапку мою в сугроб. Кинул.

— Дядя Игорь — это твой папа?

— Нет... — Ритка, опустив голову, теребила краешек своей юбки.

— А кем она работает?

— Мамка... Мы бутылки искали.

Я засмеялась. Рассказала своей. Она отругала, сказав, что Риточку нужно жалеть. Но у меня это никак не получалось...

Она ходила за мной по пятам. Даже когда я разговаривала по телефону, стояла рядом, уткнувшись головой в стену.

Я сердито махала на нее рукой. Она отходила за стену (телефон был в коридоре), но продолжала слушать, рисуя что-то пальцем на стене.

Еще помню, что я не любила кашу, особенно манную. Помешивала, морща нос, поднимала ложку с кашей над тарелкой и плюхала ее. В садике были тарелки с разными картинками на дне — то петух разноцветный, то жук-носорог, то сказка какая. Я разгребала манку, с интересом разглядывала секретик, а потом относила нянечке, не съев ни ложки.

В больнице тарелки были белые. Но по утрам тоже давали манку.

Я по-прежнему не брала ее в рот. Мы сидели с Риткой за маленьким серым столом напротив друг друга. Она уплетала вкусную кашу. За соседним сидели девочки моего возраста, они смеялись, кидали друг другу в тарелку манку. А я отдавала Ритке свою порцию и жалела, что меня положили не с ними.

Я тогда ходила в детский сад, в старшую группу. Из садика меня всегда забирала мама. Папа работал. Но когда приходил он, я бежала навстречу, отец подхватывал меня и целовал в щеку. Гордая, счастливая, я брала его за руку, и мы шли домой. Я рассказывала, как прошел день, что давали на обед и как мы кидались подушками в тихий час.

Иногда меня забирали друзья отца, я все равно бежала им навстречу, обнимала, конечно, не так крепко. Матери приходили в сад каждый день, а отцы или дяди намного реже.

Меня вели на работу к папе, где я всех знала и чувствовала себя принцессой. Мне улыбались, совали яблоки, задавали глупые вопросы (глупыми они стали только теперь): «Дневник-то купили? А портфель какой?». Все боялись и уважали отца.

А я боялась уколов и сейчас боюсь.

Ритка равнодушно заходила в кабинет врача, снимала колготки, задирала юбку и, не издав ни звука, выходила. Я изумленно смотрела ей вслед. Она медленно шла в

палату, одной рукой проводя по стене, другой потирая больное место. Я же стояла и не решалась войти, пока меня не вталкивала медсестра.

Мне казалось, что наша медсестра больше ее любит. Она всегда звала ее Риточкой. А меня только по фамилии. Она чаще угощала Ритку витаминками, улыбалась, когда та глупо и неуклюже танцевала, заслышав музыку. Ночью, выходя в туалет, я увидела, как она штопает Риткины колготки. А как-то подарила ей большую шоколадку.

Я зашла в палату, Ритка быстро спрятала что-то за спину.

— Че прячешь? — спросила я.

Что-то хрустнуло у нее за спиной. И она, помедлив, протянула мне половину шоколадки.

Мы сели на кровать, облокотились на стену. Молча посмотрели друг на друга и улыбнулись. Мы тогда съели обе половинки. И я достала из шкафчика вафли.

Ночью Ритка задыхалась, я часто просыпалась от ее кашля. Мне становилось страшно, и я бежала за медсестрой. Медсестра торопливо входила, включала свет, делала укол, а потом еще долго сидела, поглаживая ее по спине.

Иногда мы вместе смотрели телевизор. Между палатами был небольшой перекресточек, в одном конце за столом с банкой градусников, таблетками и газетой сидела наша медсестра.

В другом был старый диван, огромные, как в бане, часы на стене и телевизор. Мы садились рядом на зеленый диван. И вместе с нянечкой (которая любила нас одинаково) и медсестрой смотрели сериал. Ритка смеялась и все прижималась ко мне. А я отодвигалась. Думала — места мало...

Как-то мы с Риткой забрались на широкий, облупленный подоконник и смотрели в окно. Прямо под ним играли, кусались и заливались лаем собаки, обе черные с белой грудью. Меня смешили черно-белые псы. Все казалось, что черно-белые коровы и кошки — это нормально. А черно-белые собаки — смешно. Я улыбалась.

— Любишь собак? — спросила я Ритку.

Она вдруг испугано посмотрела на меня и помотала головой.

— Мухтарка злой, погладить хотела, а он... ах! — она обхватила свою руку, — цапнул. Цепью гремел ночью. Боялась. Я вот как делала, — Ритка легла на кровать и накрыла голову подушкой.

А я вспомнила, как у меня появился щенок. Мы шли с мамой из садика. Вдруг она сказала:

— Тебя дома ждет сюрприз.

— Какой? — обрадовалась я.

— Что ты больше всего любишь?

Я сразу подумала: «собака!» Но решила, что этого не может быть.

— Мороженое?!

Мама только улыбалась.

Сомнений не было:

— Собака! — закричала я.

Мы заспешили домой. Я тянула маму за руку. У двери присела, замерла и прислушалась — кто-то звонко залаял. Мама позвонила. Отец открыл. И я увидела, как из папиных рук вырывается маленькое коричневое чудо. Взяв щенка на руки, я больше не расставалась с ним.

Я не давала ей свои игрушки, хотя у нее не было ни одной. Однажды я все-таки попросила маму принести какую-нибудь из своих старых Ритке. Она принесла пластмассового дракончика. Мне было жаль отдавать, хотя я уже не играла с ним. Зеленый, улыбочивый, с цветами в руках. Ритка приняла подарок, поиграла с ним немного и поставила на подоконник. А вечером заснула, прижимая к себе.

Однажды ко мне пришли дворовые мальчишки, Ритка, как всегда, смотрела через стекло — худенькая, с огромными черными и нездорово блестящими глазами.

— А это еще чья кикимора? — показывая пальцем, смеялся кудрявый Мишка.

— Моя! — ответила я.

— Ты куда?

— К моей кикиморе! — крикнула я. Подбежала к Ритке и обняла ее.

Мы рано ложились спать, я засыпала, а она все задыхалась, ворочалась. Помню сквозь сон, что ее унес кто-то большой.

Была она, а потом раз — проснулась с утра, а ее уже нет. Я побежала к медсестре, мне сказали, что ее забрали в хорошую семью.

— А она вернется? — спросила я.

— Нет, не вернется. Иди, Ниночка, ты теперь одна полежишь, — ответила медсестра, а сама подошла к окну и долго не отходила от него.

Я зашла в палату, села на кровать. Под ее кроватью увидела застежку от сандалий. Как она теперь без нее? Мне вдруг стало очень грустно, и я захотела к маме.

* * *

Поезд остановился. Цыганята с мамашей вышли. Тот, что улыбался мне, обернулся и помахал рукой. Через станцию я вышла из метро и побрела к храму. Хотела поставить свечку, залезла в сумку, но кошелек не было.

СНЕЖОК В СПИНУ

Когда Валя, Димка и Андрей дошли до угла дома, Димку окликнула мать. Она стояла у подъезда, держа в руках несколько ковровых дорожек, и строго кричала Димке, что он больше не выйдет на улицу, если не поможет ей.

«Говорил же, надо быстрее идти», — с досадой буркнул Димка и побрел к матери. Он мог рвануть на школьный двор, но мать всегда держала свое слово — Димка много раз уже был наказан.

Андрей и Валя смотрели ему в след:

— Ты придешь? — крикнул Андрей.

Димка не оглядываясь, ответил:

— Не знаю.

Все они жили в одном дворе, только Валя и Димка постоянно вертелись на улице, а Андрей больше отсиживался дома. Вале было интереснее с Димкой: они строили штабы, возились в ручейке. С Андреем же и поговорить не о чем.

Они молча дошли до школьного двора. Андрей стал собирать короткие палочки, а Валя пошла к деревьям. Стоял конец сентября, листьев напало много, и она стала собирать их, разглядывая на солнце.

— Ну, что, сопля, кто там у нас обзывался?

Валя даже испугаться не успела, как двое мальчишек резко свалили ее на землю. Она сначала не поняла, что это за мальчишки и почему они дерутся. Валя попыталась встать, но они снова сбили ее с ног.

Конечно, она быстро вспомнила, что это те двое, которых они с Димкой сегодня утром дразнили, вспомнила и пожалела о том, что обзывалась, и что сама же позвала ребят играть на школьный двор.

«Жаль, Димки нет... Андрей, Андрей поможет»,— подумала Валя и позвала его. Андрей висел на турниках и сделал вид, что не заметил, как они налетели на нее. Но как только стали бить, он слез, сделал несколько нерешительных шагов к ним и остановился.

— Подойдешь — так же получишь, понял?

Андрей медленно залез по железной лестнице на турник, стараясь не смотреть на них. Но когда он поворачивался, то видно было, как болезненно морщится его смуглое лицо, как жалко ему Валею, которая все пыталась подняться, а они снова и снова толкали ее на сухие осенние листья. Андрей немного похож был на одного из мальчишек, на того, который с черными волосами. Разница только в том, что не было озлобленности в его лице, лишь трусость.

Больше Валя не звала Андрея и не смотрела на него. Два раза они пнули ее в живот. Когда черный замахнулся, чтобы ударить еще, белобрысый остановил его:

— Может, хватит с нее? — неуверенно спросил он.

В это время Вале удалось подняться. Она успела немного отбежать от них, но запнулась о бордюр школьной аллеи и потеряла кроссовок. Черный тут же подскокил, схватил его за шнурок и стал вертеть. Валя, конечно, могла убежать и без него. Но она подумала, как расстроится мама, ведь это были совсем новые бело-красные кроссовки, купленные к первому сентября. Валя отчаянно подбежала к черному, чтобы отнять, а он, повертев, кинул его белобрысому. Они перекидывали кроссовок друг другу и смеялись. Валя больше не подбегала. Она стояла и смотрела на черного.

— Чего вылупилась? Отнимай! — заорал черный и утер нос длинным рукавом.

— Да ладно, пошли,— сказал белобрысый, мотнув головой в сторону школьных ворот.

И черный кинул в нее кроссовком:

— Еще раз тебя здесь увижу, сильнее получишь!

Кроссовок попал Вале в плечо и упал на асфальт. Потрепанный, он лежал на боку с разбросанными в разные стороны шнурками. Валя опустила голову, долго смотрела на него застывшими глазами, потом, присев на бордюр, не спеша надела, наскоро заправив шнурки. Она отряхнула штаны и куртку и, не оглядываясь, побрела к дому.

Андрей торопливо слез с турников, догнал ее и молча пошел рядом, сунув руки в карманы джинсовки. Они медленно вышли за ворота, миновали гаражи, бараки и, перейдя через дорогу, остановились перед домом.

У подъезда Валя увидела маму. Она разговаривала с Димкиной матерью — тетей Галей. В руке у мамы был большой пакет с вафлями, который она прислонила к бетонной перилле.

— Мама! — крикнула Валя и побежала навстречу, из глаз ее покатались горькие слезы.

Она уткнулась в мамин плащ и горячо заплакала...

— Ты чего, Валюш? Ты что плачешь?.. Возьми вот вафельку лучше.

Валя плакала и не могла остановиться.

— Что случилось? Андрей, что случилось? — взволнованно спрашивала мама.

Андрей молчал.

— Меня мальчишки... побили-и...— задыхаясь, говорила Валя. — Мы их обзывали... а они кроссовок мой... отняли...

— Так без кроссовка бы убежала, ну его, кроссовки-то ку-упим! — сказала мама, поняв только то, что у Вали отнимали кроссовок.

Димка вертелся тут же. Он сообразил быстрее всех:

— Это ее, наверно, мальчишки взрослые словили, они нас с качели прогоняли возле школьного. Мы, когда уходили, их дразнить стали, по шутке. А чего они прогоняются?! Вот они Вальку и поймали,— затараторил он.— А ты чего, Андрей, не заступился? Я бы заступился!

— Ага, самый первый, небось, убежал, только пятки б сверкали! — вмешалась тетя Галя.

Димке отчего-то было очень весело. Может, оттого, что обзывались они вместе, а получила одна Валя. Он поначалу злился на мать, что та не пустила его на школьный двор, заставила трясти дорожки, а теперь был рад этому.

Андрей вертел в руках какую-то палочку, гладил серого котенка у подъезда, а потом как-то незаметно ушел.

— Валя, у тебя что-нибудь болит? — спросила мама, опускаясь на корточки. А Валя не знала, что у нее болит. На покрасневшихся щеках сверкали не высохшие еще слезы, и было так горько, что ничего не болело, только было очень и очень горько...

Мама взяла Вальку за руку, и они поднялись домой. На диване спал в одежде отец. Мама, не снимая туфель, прошла в зал.

— Вставай, дочку твою мальчишки избили! — грубо потрясла мама отца.

— Какие мальчишки? — хриплым ото сна голосом, спросил он, не открывая глаз.

— Ты отец или не отец? Хватит диван протирать! — зло закричала мама.

Диван заскрипел. Он нехотя поднялся. И, посидев несколько секунд на диване, резко встал и подошел к Вале:

— Чего нос повесила? Я ж за тебя голову оторву любому! — сказал он и взял Вальку за руку. Они вышли из подъезда, и быстро пошли к школьному двору по широкой дороге мимо деревянных домов, гаражей, мимо высоких деревьев. Уже темнело, и в домах то и дело загорались желтые и синие, дрожащие от телевизора, окна: то на третьем, то на пятом этажах.

— Найдем, не переживай! Я тебя чего, драться еще не учил?

— Нет,— ответила она,— но я смогу, я один прием уже знаю! — взволнованно заговорила Валя. Ей вдруг стало так весело. Да пусть ее хоть сто раз еще побьют мальчишки, главное, что отец держит ее за руку, что они идут вместе, и она теперь ничегошеньки не боится.

На школьном дворе никого не было. Школа стояла темная, и только на втором этаже горело одно окно. «Может, это учительница проверяет наши контрольные? — подумала Валя.— Эх, а я ведь третью задачу не решила...»

Они прошли вдоль деревянного дома рядом со школой. У освещенного фонарем подъезда за столиком сидели парни и шумно играли в карты.

— Мужики, мою дочку сегодня побили на школьном! Не в курсе, кто? Валь, посмотри внимательно, их здесь нет?

— Нет,— ответила Валя.

Там сидели взрослые парни. А те были еще совсем мальчишки. Но один очень напоминал ей того черного.

— Мы маленьких не трогаем,— улыбнулся парень в кепке, что сидел ближе всех.

— А как хоть они выглядели? — спросил другой.

— Один такой черненький,— тихо сказала Валя и опустила голову, ей стало стыдно непонятно отчего.

Валя и эти двое, что побили ее, учились в одной школе. Иногда она видела их в столовой на большой перемене, они шумели, дразнили девчонок, отнимали у них булочки и лили компот за шиворот. Валя смотрела на них, боялась и желала зла, самого плохого и обидного.

Еще два раза Валя сталкивалась с ними.

Первый раз — той же осенью. Она шла с мамой под руку. Кто-то стал дергать ее за капюшон, Валя обернулась и увидела этих двоих — они корчили рожи. Белобрысый всегда был для нее незаметным и если бы она знала тогда это слово, то, наверное, назвала бы его безликим. А черный... в черном было что-то, чего она очень боялась. Мама мальчишек не замечала и спокойно шла вперед. Валя сильнее прижалась к ней, но ничего не сказала. Дорога тянулась узкая, с одной стороны некрашенный забор, с другой — низкие голые кусты. Эти двое резко проскочили вперед — белобрысый со стороны Вали, а черный с маминой стороны. Когда черный пробежал, он толкнул маму.

— Ты чего? — ошарашено крикнула ему мама.

— Мам, не надо, — зашептала Валя, сильнее прижимаясь к ней.

А они отбежали немного, потом обернулись, стали кривляться и орать.

— Давай тут пойдем, — сказала Валя, заворачивая налево к магазину. И тихонько добавила:

— Это они меня побили.

— Что ж ты сразу не сказала, я бы им уши надрала! Схватила бы вот так и держала! Ты посмотри, говнюки какие!

— Не надо, мам, пойдем...

Второй раз — уже зимой. Валя шла по снежной дороге, издали видя, раскатанные скользкими сапогами черно-синие полоски льда. Тогда она разбегалась и скользила. В начале зимы ударил мороз, потом потеплело, нападало много снега. Ветки берез и лип свисали пушистые. Снег был мягкий, рассыпчатый и снеговиков не скатать. Но было радостно, красиво и очень спокойно. В снежную погоду всегда спокойно.

Впереди Вали упал снежок, она весело обернулась.

Но тут же испугалась и заторопилась — позади стоял черный. Он был без шапки, волосы его прилипли ко лбу, как будто он бежал и вспотел или шел после физкультуры. Куртка его была распахнута, так, что виднелся серый свитер.

— Беги, беги! Дура! — крикнул он вслед, лепя еще один снежок. Он комкал его сильно, чтобы снежок был тверже, а удар больнее, но снег рассыпался.

Наконец он кинул, но Валя шла уже далеко, и снежок глухо стукнулся позади.

Он не попал, но напомнил об обиде.

Валя подошла к дому. Было тихо, снежно и только: «фю-фью» — послышалось рядом. Валя повернулась и увидела прямо перед собой, в низких снежных кустах, двух снегирей. Она первый раз видела этих птиц вживую. Они показались ей такими большими — с черной шапочкой на голове и алой, как летнее яблоко, грудью. Со всем недавно в художественной школе Валя срисовывала с новогодней открытки двух снегирей, а теперь видит их наяву. Валя замерла, чтобы не спугнуть птиц и молча любовалась. «Как матрешки», — весело подумала она, а потом оглянулась на свое окно и через прозрачную тюль увидела, как крутится у плиты мама. И в зале светится телевизор, значит, папа тоже дома. Валя сняла портфель и быстро поскакала по ступенькам, оставляя следы и проводя варежкой по бетонной перилле.

